

НАКЛАДКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МЕДВЕДЕЙ С КИПЧАКОВСКОГО ГОРОДИЩА

В.В. Овсянников, Ф.М. Тагиров

A COVER PLATE WITH THE IMAGE OF BEARS FROM A KIPCHAK SETTLEMENT

V. Ovsjannikov, F. Tagirov

Ключевые слова: звериный стиль, городище, пьяноборская культура, Прибелье

В статье публикуется новая находка с изображением медведей из Кипчаковского городища пьяноборской культуры. Авторы проводят аналогии этой зооморфной накладки в материалах Шиповского могильника кара-абызской культуры.

Keywords: animal style, settlement, P'janyj Bor culture, the Belaja river area

The article describes a zoomorphic cover plate of the P'janyj Bor culture from a Kipchak settlement. The authors compare this new artefact with the archeological materials from Shipovo burial of the Kara-Abyz culture.

В 2009 г. Ф.М. Тагировым на поверхности распахиваемой площадки Кипчаковского городища была найдена бронзовая накладка с зооморфным изображением. Городище находится на северо-западе Башкортостана (Илишевский район) и вместе с Кипчаковским I курганно-грунтовым могильником, входит в Кипчаковский археологический комплекс. Комплекс расположен на р. Сюнь, левом притоке р. Белая в ее нижнем течении, и входит в ареал распространения пьяноборской культуры [Зубов, 2007. С. 74-75]. На городище неоднократно проводились раскопки и сборы с поверхности, однако полученные материалы пока полностью не опубликованы и не систематизированы.

Напротив, материалы Кипчаковского могильника неоднократно вводились в научный оборот автором раскопок – С.Э. Зубовым, им же были определены хронологические рамки памятника и его этнокультурное содержание [Зубов, 2007; 2010]. В целом, исследованная часть памятника датируется II в до н.э. – рубежом эр, и относится к ранней стадии пьяноборской культуры [Там же. С. 72]. Таким образом, Кипчаковский археологический комплекс, с определенными допущениями, может быть отнесен к ранней стадии пьяноборской культуры.

Найденная на Кипчаковском городище бронзовая накладка имеет следующие размеры: длина – 4,4 см, ширина в центральной части – 3,3 см, толщина – 0,3 см. Накладка выполнена методом одностороннего литья, качество литья хорошее,

раковины и недоливки отсутствуют. Края изделия тщательно обработаны. Внешняя сторона, где нанесено изображение, очень гладкая, вероятно, была отполирована в процессе длительного использования (рис. 1, 1а). На оборотной стороне – следы четырех петелек, спиленных в древности (рис. 1, 1б). Благодаря хорошо сохранившимся шпенькам, можно реконструировать спиленные детали (рис. 2, 1б). Судя по расположению петель на обороте, кипчаковская находка первоначально являлась распределителем ремней. Впоследствии, после удаления петель на обороте, она служила, вероятно, в качестве нашивки.

Изображение было нанесено уже на форму, на самом изделии оно сформировано из четких и глубоких «прочерченных» линий (рис. 1, 1а). На накладке хорошо видны две повернутые в противоположные стороны морды животных. Композиция практически симметрична. Четко идентифицируются: окончания морд с открытыми пастьями, носы и нижние челюсти – в виде спиральных завитков, глаза – в виде почти правильных окружностей, уши – также в виде спиральных завитков, но несколько крупнее. Остальные детали воспринимаются как дополнительный орнамент, для заполнения пространства. Животных, изображенных на этой бронзовой литой пластине, идентифицировать сложно.

Близкие по композиции, но более реалистичные по изображению бляхи происходят из Шиповского курганно-грунтового могильника



Рис. 1. Зооморфные нашивки: 1 – Кипчаковское городище, подъемный материал; 2 – Шиповский могильник, группа курганов III, раскоп I, погребение 5.

Фото авторов

Fig. 1. Zoomorphic stripes: 1 – Kipchakovsky fortification, excavated material; 2 – Shipovsky burial ground, group of mounds III, excavation I, burial 5.

Photo of the authors

(рис. 1, 2а-б; 2, 2а-б). Здесь они найдены в составе погребального комплекса (погребение 5, раскоп I, III группа курганов) [Овсянников, 2006. Рис. 296, 5, 9].

Происходящие из Шипово бляхи выполнены небрежно. На каждой из них имеется несколько раковин-отверстий. Одна из блях частично недолита, на обороте другой хорошо видна «заплата-доливка» (рис. 1, 2б; 2, 2б). Края изделий не обработаны, сохранились довольно крупные заусенцы. На обороте блях находится по две круглых петельки.

На лицевой части блях нанесено изображение в той же технике, что и на кипчаковской бляшке. В отличие от последней, на шиповских изделиях хорошо читаются морды и передние лапы двух животных, обращенные в разные стороны. Композиция также симметрична. Уши и окончание морд (носы) изображены в виде круглых завитков, открытые пасти обозначены двумя линиями, глаза в виде окружностей. В отличие от кипчаковской, на мордах имеется дополнительный орнаментальный мотив в виде окружностей, расположенных между глазом и носом. На ши-

повских бляхах у каждого животного четко читаются передние лапы. Лапы заштрихованы косыми параллельными насечками, вероятно, имитирующими шерсть. Окончания лап оформлены в виде округлого утолщения с полукруглыми насечками, изображающими когти (рис. 1, 1а; 2, 2а).

В рассматриваемом погребении из Шиповского могильника был найден богатый костюмный набор, состоящий из бронзовых изделий и стеклянных бус. Благодаря хорошей сохранности, место данных блях и их назначение в составе женского костюма устанавливаются четко. Эти зооморфные бляхи входили в состав так называемых портупейных украшений [Пшеничнюк, 1973. С. 183]. Последние представляют собой два параллельных кожаных ремня, спускающихся симметрично от плеч к поясу и украшенных бронзовыми бляхами и пронизками. Такой набор украшений встречается только в женских погребениях кара-абызской культуры [Воробьева, 2012. С. 29]. Представленные бляхи были расположены в верхней части каждого из ремней. Только у них из всего комплекса «портупейных» украшений имелись такие массивные петли, с помощью которых каждый из ремней крепился к основному костюму.

Подобные «портупей» характерны для типа 5, выделенного С.Л. Воробьевой [Там же. С. 28].

Судя по остаткам органики, костюм в шиповском погребении был изготовлен из кожи. Возможно, в целом костюм представлял собой меховую одежду (шубу?), на которую крепились металлические украшения.

Вероятно, первоначально кипчаковская бляшка выполняла ту же роль, что и шиповские, то есть входила в состав портупейных украшений. Со временем бляшка утратила петельчатые крепления и использовалась уже как нашивка.

Выше было показано, что на кипчаковском изделии изображения более стилизованы. При сравнении с шиповскими бляшками видно, что стилизации в первую очередь подверглись лапы животных. Если на шиповских бляхах они четко идентифицируются, то на кипчаковской они превращаются в две вписанные друг в друга окружности, которые обозначают верхнюю часть лапы и, возможно, плечо. Появление данной детали становится понятно при рассмотрении более ранних изображений медведей из Приуралья. На ряде изображений медведей,

происходящих из ананьинской и кара-абызской среды, плечо обозначено дополнительным завитком-спиралью [Овсянников, 2006. Рис. 2, 8, 10-11]. В свою очередь, эта деталь в приуральские культуры проникает под влиянием скифо-сибирского звериного стиля [Он же, 2013. С. 78].

От нижней части двух лап на кипчаковской бляшке оставлены три насечки, видимо, символизирующих когти. В верхней части оставлено отверстие, от нижнего края которого отходят пять параллельных насечек. Этот элемент при желании можно интерпретировать как изображение шерсти на загривке животного. Однако на предшествующих и последующих изображениях медведей из Приуралья подобный элемент отсутствует [Там же. Рис. 2].

Комплекс, куда входят шиповские бляхи с медведями, по поясным накладкам с грифонами раннего типа, поясной бляхе, изготовленной из сарматского зеркала с циркульным орнаментом типа 4.7 (по А.С. Скрипкину) и набору стеклянных бус соответствует хронологической группе вещей III-I вв. до н.э., выделенной А.С. Скрипкиным на сарматских материалах [Скрипкин, 1990. С. 165-175].

Согласно датировке Кипчаковского некрополя, дата найденной на городище бляшки – не ранее II в до н.э. Таким образом, хронологические различия между шиповскими и кипчаковскими находками должны быть небольшими. Судя по степени стилизации, кипчаковская бляшка выглядит несколько позже шиповских.

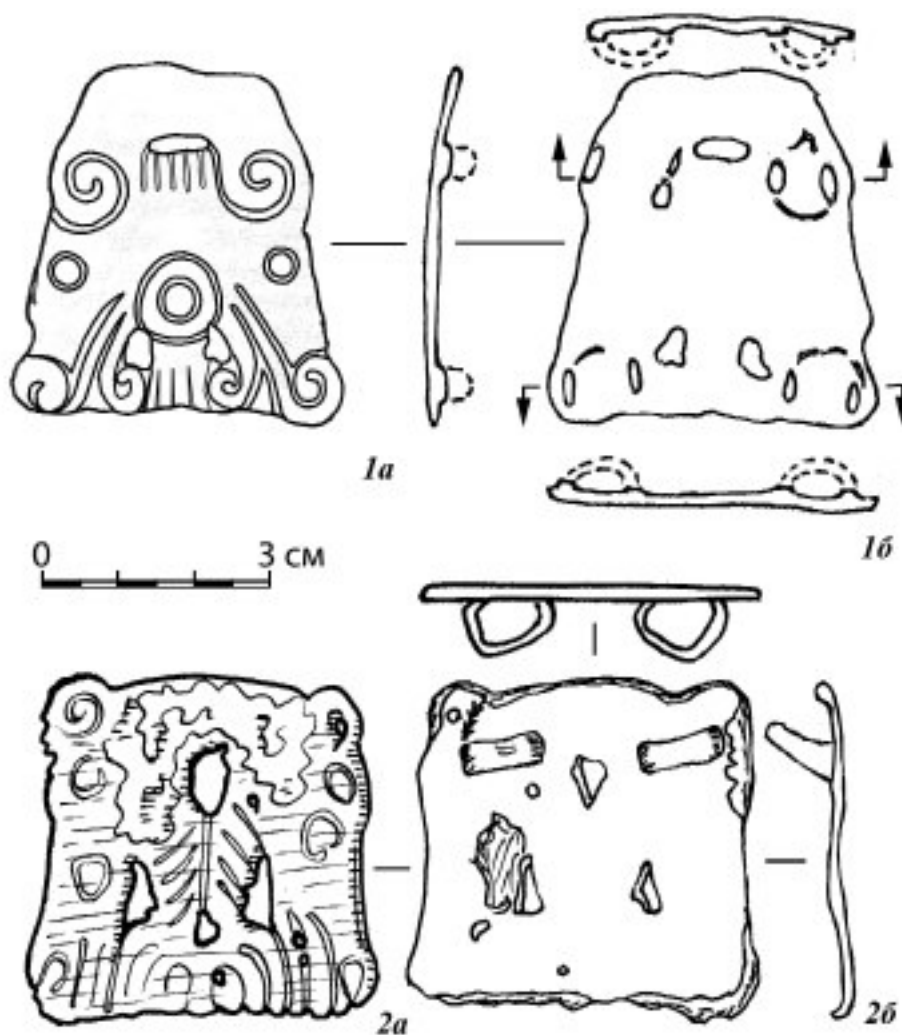


Рис. 2. Зооморфные нашивки: 1 – Кипчаковское городище, подъемный материал; 2 – Шиповский могильник, группа курганов III, раскоп I, погребение 5.

Рис. авторов

Fig. 2. Zoomorphic stripes: 1 – Kipchakovskiy fortification, excavated material; 2 – Shipovskiy burial ground, group of mounds III, excavation I, burial 5.

Fig. by the authors

Посредством каких событий кара-абызское изделие попало в кипчаковскую группу пьяноборского населения мы, конечно же, определить не можем. Однако этот факт согласуется с существованием активных связей между группами населения, оставивших Шиповский и Кипчаковский курганный-грунтовые могильники. На наш взгляд, вполне оправдано мнение об этническом родстве населения, создавшего курганы Шиповского и Кипчаковского некрополя [Зубов, 2007. С. 85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6-7. 2007. С. 72-88.

Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок

Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. 2010. С. 64-82.

Воробьева Л.С. Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа: Аркаим, 2012. С. 26-29.

Овсянников В.В. Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2006 году. Уфа, 2008 / Архив ИА РАН.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничникова

/ Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 171-179.

Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» в пермском зверином стиле // Вестник Пермского университета. Вып. 1(21). 2013. С. 77-83.

Пшеничникова А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162-243.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 299 с.

REFERENCES

Zubov S.E. Kipchakovskij kul'turno-hronologičeskij gorizont v sisteme p'janoborskoj kul'tury [The kipchak cultural and chronological horizon in the P'janyj Bor Culture] // UAV. Vyp. 6-7. 2007. S. 72-88.

Zubov S.E. Novye jelementy pogrebal'noj obrjadnosti rannej p'janoborskogo naselenija v nizov'jah r. Beloj (po materialam raskopok Kipchakovskogo kurganno-gruntovogo mogil'nika v 2006 godu) [New elements of the funeral rites of a population of early P'janyj Bor Culture in the lower reaches of river Belja (based on an excavation of Kipchak ground-burial mounds in 2006)] // UAV. Vyp. 10. 2010. S. 64-82.

Vorob'eva S.L. Shejno-nagrudnye ukrashenija kara-abyzskoj kul'tury [Neck and breast ornaments of the Kara-abyz culture] // Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ja: istorija i sovremennost'. Materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenyh. Ufa: Arkaim, 2012. S. 26-29.

Ovsjannikov V.V. Otchet ob arheologičeskikh issledovanijah Shipovskogo kurganno-gruntovogo mogil'nika v Iglinskom rajone Respubliki Bashkortostan v 2006 godu [Report on archaeological research of Shipovo ground-burial mounds in Iglino

district of Bashkortostan Republic in 2006]. Ufa, 2008 / Arhiv IA RAN.

Ovsjannikov V.V. Zoomorfnaja metalloplastika kara-abyzskoj kul'tury [Zoomorphic metal plastics of the Kara-abyz culture] // Juzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremja / Otв. red. G.T. Obydenнова, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 171-179.

Ovsjannikov V.V. K voprosu o proishozhdenii sjuzheta «medved' v zhertvennoj poze» v permskom zverinom stile [On the origins of the plot "the bear in a sacrificial posture" in the Perm animal style] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 1(21). 2013. S. 77-83.

Pshenichnjuk A.H. Kara-abyzskaja kul'tura (naselenie central'noj Bashkiriii na rubezhe nashej jery) [The Kara-abuz culture (population of central Bashkiria at the turn of our era)] // AEB. T. V / Red. N.V. Bikbulatov, R.G. Kuzeev, N.A. Mazhitov. Ufa: IJJaL BFAN SSSR, 1973. S. 162-243.

Skripkin A.S. Aziatskaja Sarmatija. Problemy hronologii i ejo istoričeskij aspekt [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1990. 299 s.